

Бианки В.В. Неслышимка

(рассказ старого учёного)

ИЗ АНКЕТЫ:

Вопрос: Сильно выраженные духовные особенности, сказавшиеся в научном успехе? Ответ: Настойчивость и большая любознательность в отношении фактов и их значения. Некоторая склонность к новому и чудесному.

Чарлз Дарвин

Раз уж зашла речь о тишине, позвольте и мне, старику, рассказать о ней кой-что. Конфузная для меня вышла история, надо признаться. Курьёзный казус. И, главное, кто сконфузил-то меня — учёного, старого специалиста? Собственная внучка, ребёнок. А всё потому, что мы... Ну, да об этом после. Доложу вам по порядку.

Четвёртое лето уже мы проводили в одной деревне Мошенского района Новгородской области. Я — орнитолог и, конечно, в такой срок детально изучил весь видовой состав гнездящихся в окрестностях птиц. Написал даже о них небольшую работу и как раз в эту весну сдал в печать, считая её вполне законченной.

Приехали мы тот год в деревню в конце мая. Внучка нередко сопровождала меня на прогулках. Она у меня лес и животных всяких очень любит. Ну, а я, конечно, исподволь и занимался с нею тем, что называю «включением слуха и зрения на птицу в природе».

Все мы, знаете, не видим и не слышим очень много из того, что нас окружает. А когда человек специализируется на чем-нибудь, он прежде всего начинает замечать то, что относится к его специальности. Так, штурман — водитель кораблей — очень внимательно смотрит на звёзды и, так сказать, «читает» их, потому что привык ориентироваться по ним. Лётчик слушает и тонко

понимает шум мотора, который нас часто только раздражает, когда мы слышим его у себя над головой. А художник в свете и цвете видит такое, что совершенно ускользает от нашего поверхностного взгляда и даже кажется нам неправдоподобным, будучи изображено кистью на полотне или на бумаге.

Орнитолог, конечно, видит и слышит везде прежде всего птиц. Я вот, например, могу идти с вами и разговаривать, хоть в лесу, хоть в городе, — вы ничего не заметите, а я про себя невольно отмечаю: вот синица пискнула, мелькнули в чаще голубые перья на крыле сойки или крикнул, пролетая над крышами, грач.

Я обращал внимание внучки на птиц, на их крик, песни, полёт. Она у меня уже хорошо различала по голосам десятка два певчих птиц. Но, конечно, с её крошечным опытом не могла ещё знать всех встречавшихся нам птиц, как знал их я. Поэтому меня очень насмешило, когда раз в самом начале лета она прибегает из лесу и говорит:

— Дедушка, а ты знаешь птичку-неслышимку? Ты почему мне её никогда не показывал?

— Постой, постой, — говорю. — Что это ещё за неслышимка? Опять сама придумала, вроде Зумзика и Момика?

Она у нас фантазёрка. Недавно её мать рассказывала: играет девчурка одна в саду, а всё, слышно, с кем-то разговаривает — то с каким-то Момиком, то с каким-то Зумзиком. Мать спросила её, с кем это она. Девчурка только рукой махнула: «Ты не понимаешь! Такие у меня живут здесь — Момик и Зумзик. Мне с ними весело».

И сколько ни расспрашивала мать, так и не могла добиться, что это у неё за невидимки такие — не то человечки, не то звёрюшки какие-то фантастические.

На мои слова внучка даже рассердилась:

— Ничего я, — говорит, — не сама придумала! Просто глазами видела. Сидит такая горбатенькая птичка на дереве, на верхней ветке, сама ротик разевает, и горлышко у неё трепещет, а всё равно ничего не слышно, никакой песенки.

Я уж, чтобы не обидеть девчурку, сделал вид, что поверил ей. Спрашиваю:

— Где же это ты видела её?

— На ручье, на пожне у самой опушки леса. Знаешь, где ты всегда покурить на пенёк садишься, когда мы из лесу выходим?

— Интересно, — говорю, — В следующий раз пойдём, ты мне её покажи.

— А она не улетит?

— Нет, ведь сейчас все птицы при гнёздах. Раз тут поёт, тут и будет.

В лес я пошёл на следующий же день. О фантастической «неслышимке», конечно, забыл уже. А внучки со мной не было: она пошла с матерью в другое место — нарвать букет купальниц. Уже я возвращался домой, когда мой слух поразила неожиданно наступившая в лесу тишина: одна за другой перестали петь птицы. Через две — три минуты я понял причину: вдруг потемнело, налетел сильный, шквал, и почти сейчас же хлынул дождь.

Как это часто бывает в начале лета, он продолжался всего несколько минут. Но шуму наделал много. Когда я вышел из лесу на пожню — так здесь называют заливные луга, — я был поражён контрастом между полной тишиной этого открытого места

и шумом леса. Шум позади меня и тишина впереди были сами по себе, и чёткой границей между ними стояла стена леса.

Птицы ещё не начали петь ни на пожне, ни в лесу, ветер ещё не улётся, мотал ветви деревьев и сбрасывал с них обильные брызги; они падали на нижние ветви, с ветвей — на землю. Одним словом, в лесу была бурная звонкая капель; казалось, там всё ещё шёл дождь. А на пожне капель не могла быть заметна, потому что тут росли только отдельные деревья, открытые ветру, и ветер уже стряхнул с них последние капли дождя.

По своему обычаю, я сел недалеко от ручья на пенёк — выкурить папиросу. И при этом, конечно, вслушивался в тишину.

Тишина бывает разная. Тишину этого освежённого ливнем луга никак, разумеется, нельзя было назвать «мёртвой» тишиной. Как почти всегда в природе — днём ли, ночью ли, — тишина вся наполнилась незаметными нашему слуху маленькими звуками. Она, можно даже сказать, вся состояла из этих почти неуловимых звуков: лёгкого шелеста травы, шороха пробегающих в кочках мышей — шум, доступный разве только ушам совы, — звона падения с листьев отдельных капель, тихого пения ручейка. Я даже явственно различал где-то слева от себя стрекотание кузнечиков. Однако и этот звук — наиболее определённый из всех других — нисколько не нарушал тишины, как нарушила бы её звонкая песня зяблика, или скрип телеги, или крик человека. Он был лишь фоном, аккомпанементом в этом, если дозволительно так выразиться, богатейшем немом оркестре луга.

Мне даже взгрустнулось немножко. О том думалось, что вот я уже старик. Сижу тут и вслушиваюсь в эту прекрасную тишину. И всю её, так сказать, насквозь умом понимаю. Запой сейчас любая птица, пискни в траве — тонко, как ножом по стеклу, — землеройка, я и эти все звуки узнаю, объясню себе. А вот для

ребёнка сколько тут неизвестного, сколько всяких чудес! Пригрезились же моей внучке и Момик, и Зумзик, и эта смешная «неслышимка». И хорошо ей, девчурке, весело с ними, и сейчас, вот сейчас может случиться с ней и вокруг неё что-то совсем удивительное, настоящее диво.

Замечательное это ощущение, прекрасное состояние души. И, право, досадно, если оно гложет у человека с возрастом, с личным жизненным опытом и усвоением науки — итога жизненного опыта, знаний всего человечества. Нет, знание никогда не должно убивать в человеке веру в то, что сегодня кажется нам тайной, дивом, а завтра будет всеми признано и объяснено! Не помню, как дальше скакнули, разбежались и вдруг опять соединились мои мысли, так спокойно тянувшиеся до этого момента.

Помню только — на опушке дробно, громко затрещал всполошенный чем-то певчий дрозд. Беспokoясь, дрозды всегда так отчаянно кричат, точно их уже схватили за хвост. Протрещал и смолк. И от этого сильного звука ещё тише показалось на позже. И ещё отчётливей в тишине зазвучал оркестрик кузнечиков — всё где-то слева от меня.

И тут вдруг пришло мне в голову: «Но ведь это же абсурд! Какие же кузнечики в самом начале лета, когда ещё цветут купальницы! Кузнечики у нас начинают трещать только в июле». Я так резко повернулся налево, что даже выронил папиросу из рук.

Так всё и было, как рассказывала моя внучка: там, над ручьём, на вершине ольхи сидела горбатенькая птичка. Она развала клюв, и перья на раздутом горлышке у неё трепетали, а песни не было слышно. Только громко стрекотали кузнечики.

Вероятно, я своим резким движением испугал немного певца: он исчез, камешком свалился с ветки. И в тот же миг оборвалось стрекотание кузнечиков.

Ну, мне-то, конечно, было достаточно и одного этого мгновения, чтобы узнать птичку: и фигурка её горбиком, и характернейшая повадка — в случае тревоги камешком падать в траву с того высокого места, где она сидит, распевая, — и, разумеется, самая её эта оригинальная песенка, трель, почти неотличимая от стрекотанья крупных кузнечиков, — всё разом сказало мне, что это был обыкновенный сверчок, камышевка-сверчок.

Скажете — пустяки? Нет, совсем не пустяки! Вы только подумайте: три года слушал я тут птиц, написал, казалось мне, исчерпывающую работу о них, а вот эту птичку как-то совсем упустил из виду. Не ждал — уж не помню, по каким тогда своим соображениям, — не ожидал её тут встретить. И много раз, конечно, слушал с этого же самого пенёчка её песню — и не слышал. Невдомёк мне было. А как услышал вот тут в первый раз её, так и в других местах кругом стал слышать сверчков: их оказалось в окрестностях нашей деревни немало.

Пришлось спешно взять из печати мою работу и дополнить её ещё одним гнездящимся видом. Нет не видим, не слышим ведь мы того, о чем не думаем! Очень многого не слышим. И спасибо внучке, что мне помогла. Я ей включал слух на известное. А она мне включила слух на неизвестное и, казалось мне, невысказанное: на какую-то «неслышимку».

И правда оказалась на её стороне, на стороне ребёнка.

1946 г.